

ГОЛОСЪ СВ. ЗЛАТОУСТА О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

Когда въ домѣ вдругъ, нечаянно, случится пожаръ, то обитатели его въ большинствѣ случаевъ теряются,—одни ищутъ воды, чтобы залить начинающійся пожаръ, хотя вода стоитъ тутъ же, другіе таскаютъ изъ горящаго дома ненужныя вещи,—однимъ словомъ не принимаютъ надлежащихъ мѣръ къ тушенію огня и тѣмъ самымъ даютъ возможность ему усилиться и уничтожить все. Нѣчто подобное совершается въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ—начинается пожаръ по всей странѣ и съ каждымъ днемъ все увеличивается. Не проходить ни одного дня, чтобы не было нѣсколькихъ убійствъ и грабежей, совершаемыхъ не взрослыми, а юношами отъ 14—20 лѣтняго возраста. И не ради нужды совершаются эти грабежи и убійства, потому что въ нихъ принимаютъ участіе и дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей. Страшно даже и подумать о томъ, что будетъ съ нашей страной, когда эти, теперь еще несовершенно-лѣтніе, будутъ полноправными гражданами отечества, да и можетъ ли существовать отечество, съ такими гражданами? Вопросы эти невольно возникаютъ въ душѣ каждаго здравомыслящаго человѣка и заставляютъ задуматься надъ тѣмъ, какъ помочь этому горю. Много предлагается совѣтовъ, всевозможныхъ правилъ, наставленій, но всѣ они оказываются въ большинствѣ случаевъ неудобопримѣнны и остаются безъ всякихъ послѣдствій, а зло между тѣмъ растетъ все больше и больше.

Но что же дѣлать? Вѣдь нельзя же оставаться равнодушнымъ зрителемъ предъ все болѣе и болѣе усиливающимся несчастіемъ? Въ этомъ случаѣ нужно прежде всего ограничить зло, не давать ему распространяться далѣе. Когда домъ, въ которомъ начался пожаръ, бываетъ весь охваченъ пламенемъ, то стараются не столько залить горящій домъ, сколько отстоять сосѣднія зданія, убереечь ихъ отъ огня. Такъ равно и въ нашемъ отечествѣ,—изыскивая мѣры и средства для исправленія порочныхъ юношей, нужно обратить особое вниманіе на тѣхъ, которые еще не заражены этимъ ирокомъ и стараться всячески оградить ихъ отъ зараженія этимъ зломъ. Нужно прежде всего найти причину, отчего они сдѣлались такими порочными,—вѣдь не родились же они злодѣями,—и все то, что довело ихъ до такого состоянія, удалять отъ дѣтей и юношей, еще не зараженныхъ этимъ ядомъ. Лучшимъ руководителемъ и наставникомъ въ этомъ дѣлѣ является вселенскій учитель св. Іоаннъ Златоустъ. Читая его поученіе о томъ, что „неправильный взглядъ на воспитаніе бываетъ причиною величайшаго зла“, не вѣришь, что это написано полторы

тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, онъ описываетъ все то зло, какое совершается теперь въ нашемъ отечествѣ, и причину этого. Онъ пишетъ: „развращеніе дѣтей происходитъ часто отъ безумной привязанности отцовъ къ житейскому: обращая вниманіе только на это и ничего не считая выше этого, они по неволѣ уже нерадятъ о дѣтяхъ съ ихъ душою. О такихъ отцахъ скажу я, что они хуже даже дѣтоубійцъ. Когда отцы убѣждаютъ дѣтей заниматься науками, то въ ихъ разговорѣ съ дѣтьми не услышишь ничего другаго, кромѣ такихъ словъ: такой то, говорятъ, человѣкъ низкій и изъ низкаго состоянія, усовершенствовавшись въ краснорѣчіи, получилъ весьма высокую должность, пріобрѣлъ большое имѣніе, взялъ богатую жену, построилъ великолѣпный домъ, сталъ для всѣхъ страшенъ и знаменитъ. Другой указываетъ тоже на какого нибудь служащаго при дворѣ и занимающаго, благодаря образованію, почетное мѣсто. Всѣ только и указываютъ на славныхъ на землѣ; а о прославившихся на небесахъ никто не вспомнить и однажды; даже если другой и рѣшится напомнить о нихъ, его преслѣдуютъ, какъ человѣка, который все разстраиваетъ.

Итакъ вы, когда внушаете это дѣтямъ съ юныхъ лѣтъ, учите ихъ не другому чему, какъ основанію всѣхъ пороковъ, вселяя въ нихъ двѣ самыя неистовыя страсти, то есть, сребролюбіе, и, еще болѣе порочную страсть, тщеславіе. Пристрастившіеся къ деньгамъ, обыкновенно, бываютъ и завистливы, и злонравны, и склонны къ клятвѣмъ, и вѣроломны, и дерзки, и злорѣчивы, и злонравны, и хищны, и безстыдны, и наглы, и непризнительны, словомъ: во всѣхъ отношеніяхъ злы. Достоверный свидѣтель этого блаженный Павелъ, который сказалъ, что сребролюбіе есть корень всякаго зла въ жизни (Тим. 6, 10). Вѣдь вы, намѣренно, какъ будто стараясь погубить дѣтей, приказываете имъ дѣлать только то, что дѣлая, невозможно спастись. Вотъ посмотри прежде всего. *Горе*, сказано, *смиющимся* (Лук. 6, 25): а вы подаете дѣтямъ множество поводовъ къ смѣху. *Горе богатымъ* (—24): а вы о томъ только и стараетесь, чтобы они разбогатѣли. *Горе*, *егда добръ рекутъ вамъ вси челоувѣцы* (—26): а вы часто тратите все свое имущество изъ-за славы людской. Опять поносящій брата своего *повиненъ есть гееннѣ* (Матѳ. 5, 22): а вы считаете слабыми и трусливыми тѣхъ, кто молчаливо сноситъ обидныя рѣчи отъ другихъ. Господь повелѣлъ во многихъ случаяхъ вырывать око, если оно ведетъ ко злу (—29): а вы тѣхъ то особенно и дѣлаете имъ (т. е. дѣтямъ) друзьями, кто только можетъ дать денегъ, хотя бы и научилъ крайнему разврату. *Аще не отпущаете*, говоритъ Онъ, *человѣкомъ согрѣшеній ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ* (Матѳ. 6, 15): а вы даже попре-

каете дѣтей, когда они не захотятъ мстить обидившимъ, и стараетесь скорѣе привести ихъ въ состояніе сдѣлать это. Христось сказалъ, что любящіе славу постыятся ли, молятся ли, подаютъ ли милостыню, все это дѣлають безъ пользы (Матѣ. 6, 1): а вы только и стараетесь о томъ, чтобы ваши дѣти получили ее.

И худо не это одно, что вы внушаете противное заповѣдямъ Христовымъ, но и то еще, что добродѣтель называете противными именами: скромность—необразованностію, кротость—трусостию, справедливость—слабостию, смиреніе—раболѣпствомъ, незлобіе—безсиліемъ; нечестіе же прикрываете благозвучными именами: обладаніе богатствомъ—свободою, славолубіе—великодушіемъ, дерзость—откровенностію, расточительность—человѣколюбіемъ, несправедливость—мужествомъ“. Такъ говоритъ великій Златоустъ.

Вотъ гдѣ кроется корень того несчастія, которое испытываемъ всѣ мы и въ особенности родители порочныхъ дѣтей. Съ этими правдивыми словами невольно согласится всякій, знакомый скольконибудь съ приемами и порядками нынѣшняго воспитанія. Вся забота родителей до школьнаго возраста сосредоточена исключительно на внѣшности ребенка: чтобы онъ былъ сытъ, прилично одѣтъ и умѣлъ бы себя прилично держать; о воспитаніи души ребенка, о развитіи добрыхъ качествъ чрезъ познанія о Богѣ и Его благодѣяніяхъ людямъ, не только не заботятся, а даже считаютъ это неудобнымъ. И вотъ благодаря такому превратному воспитанію, получаютъ такіе горькіе плоды. Нѣтъ! Если ты хочешь, чтобы сынъ твой былъ послушенъ, служилъ тебѣ опорю въ старости, былъ добрымъ, честнымъ и полезнымъ гражданиномъ отечества, пользовался почетомъ и уваженіемъ отъ другихъ, воспитывай его такъ, какъ учить объ этомъ тотъ же вселенскій учитель, св. Іоаннъ Златоустъ.

„Хочешь ли, говоритъ онъ, чтобы сынъ твой былъ послушенъ? Съ дѣтства воспитывай его *въ наказаніи и ученіи Господнемъ*. Не думай, чтобы слушаніе Божественныхъ Писаній было для него дѣломъ излишнимъ. Тамъ онъ услышитъ прежде всего: *чти отца твоего и мать твою*—слова направленные къ твоей пользѣ. Не говори: „слушаніе Писаній—дѣло монаховъ; ужели мнѣ его сдѣлать монахомъ? Нѣтъ надобности быть ему монахомъ“. Что это въ тебѣ за страхъ—боишься того, что преисполнено многихъ выгодъ! Сдѣлай его христіаниномъ! Ибо и мірянамъ весьма нужно внимать ученію, заключающемуся въ Писаніи, а особенно дѣтямъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ еще многого не знаютъ. Сынъ твой нуждается въ спасительномъ руководствѣ, — *въ наказаніи и ученіи Господнемъ*. Не безразсудно ли учить дѣтей искусствамъ, посылать ихъ въ училище, ничего не жалѣть

для такого ихъ образованія; а о воспитаніи ихъ *въ наказаніи и ученіи Господнемъ* не заботиться? За то-то мы сами первые и пожинаемъ плоды такого воспитанія дѣтей своихъ, видя ихъ дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными! Не будемъ же поступать такимъ образомъ и послушаемъ увѣщаній блаженнаго Павла: станемъ воспитывать дѣтей *въ наказаніи и ученіи Господнемъ*, подадимъ имъ примѣръ благочестія, заставимъ ихъ съ ранняго возраста упражняться въ чтеніи Писаній. Образуемъ дѣтей такъ, чтобы они могли переносить все и знали, какъ должно поступать среди несчастій. Научимъ дѣтей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлобными, готовыми на благодѣянія, человѣколюбивыми, что свойственно Богу, и наставимъ ихъ не дорожить земными благами“.

Сице молитесь: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... избави насъ отъ лукаваго.

Кто разумѣется подъ лукавымъ, объ избавленіи отъ котораго Иисусъ Христосъ научилъ насъ молиться Отцу Небесному? Разумѣется злой падшій духъ, о которомъ сказано въ Евангеліи: діаволь—человѣкоубійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ; онъ лжецъ и отецъ лжи. (Іоан. 8—44).

До крестной смерти Спасителя ужасно было вліяніе діавола на падшаго человѣка.

„Вашъ отецъ діаволь; и вы хотите исполнять похоти отца вашего“, говорилъ Иисусъ Христосъ фарисеямъ. Дѣйствительно, фарисеи, преслѣдовавшіе Христа, исполняли злую волю діавола и всѣ похоти его, какъ послушныя дѣти исполняютъ волю родителей своихъ.

А какъ дерзко діаволь искушалъ Иисуса Христа! Во время сорокодневнаго поста Его въ дикой пустыни діаволь приступалъ къ Нему съ искусительнымъ предложеніемъ камни сдѣлать хлѣбами, чтобы прекратить Его постъ; перенесъ Его изъ пустыни на высокую гору, съ которой показывалъ всѣ царства и обѣщалъ отдать ихъ, лишь бы Христосъ поклонился діаволу; наконецъ, поставивъ Его на крышу храма, предложилъ Ему броситься внизъ...

А какъ діаволь мучилъ несчастныхъ людей, которыми овладѣвалъ!—Одного несчастнаго юношу, на глазахъ Иисуса Христа, схватывалъ и повергалъ на землю, отчего юноша испускалъ пѣну, скрежеталъ зубами и цѣпенѣлъ. Другого бѣсноватаго заставлялъ жить во гробахъ, кричать и съ неимовѣрной силой

биться о камни. Корыстолюбиваго ученика Хрїстова Іуду соблазнилъ на постыдное предательство Господа и довель его до позорной смерти—самоубійства. Наконецъ дерзко просилъ Господа, чтобы Онъ дозволилъ ему и прочихъ учениковъ Его сѣять, какъ пшеницу, то есть подвергать ихъ искушеніямъ и соблазну.

Исусъ Хрїстосъ Своими искупительными страданіями не только избавилъ людей отъ тяжелой власти діавола, но и далъ намъ силу бороться съ нимъ и отгонять его отъ себя. Съ того времени отъ насъ самихъ зависитъ: допускать ли его къ себѣ или нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе діаволъ и нынѣ опасный врагъ нашъ, хотя и ослабленный побѣдой надъ нимъ Иисуса Хрїста; ибо онъ не раскаялся въ своемъ противленіи Богу и не смирился предъ Нимъ.

По славномъ воскресеніи Своемъ Исусъ Хрїстосъ вѣрующимъ въ Него далъ власть изгонять именемъ Его бѣсовъ и наступать на всю вражію силу, но заповѣдалъ и молиться Небесному Богу Отцу о ниспосланіи благодатной помощи для избавленія отъ духа лжи и лукавства.

И горячо мы должны молиться объ этомъ небесному Отцу нашему. Злой духъ и нынѣ, какъ рыскающій левъ, ищетъ кого бы поглотить, только нынѣ онъ преображается болѣе въ ангела свѣтла, то есть является преимущественно вѣстникомъ новыхъ лжеученій, отъ которыхъ можетъ, якобы, само собой устроиться на землѣ чуть ли не царство небесное. Онъ внушаетъ своимъ послѣдователямъ: „будьте свободны и ни отъ кого независимы; не учитесь и не живите по ученію Церкви; не работайте, а отнимайте у законныхъ владѣльцевъ фабрики, землю и дѣлите ихъ между собой; не слушайте родителей, они — отсталые люди; не подчиняйтесь начальникамъ,—они не умѣютъ управлять вами по нашему, а управляйтесь сами собой, какъ знаете; не слушайте архіереевъ и поповъ, утомляющихъ васъ продолжительными молитвами, изнуряющихъ слабые организмы ваши постами, проповѣдующихъ вамъ загробную жизнь и пугающихъ народъ страшнымъ судомъ: все это нынѣ не годится никуда. Обратите жизнь въ праздникъ; ѣшьте, пейте веселитесь!.. Кто не послѣдуетъ сему вашему новому ученію добровольно, тѣхъ заставляйте принять его насильно, браунингами и бомбами. Не бойтесь, если вамъ придется и умереть отъ противящихся вамъ; за гробомъ нѣтъ жизни и мученій, а на землѣ прославятъ васъ и память о васъ, какъ герояхъ—„освободителяхъ“, надолго сохраняя въ назиданіе потомства.“ Такъ нынѣ внушаетъ діаволъ.

Все это усердно и явно нынѣ распространяется во многихъ негодныхъ книжкахъ и газетахъ. Знайте же, православные, что виновникъ всего этого—исконный чловѣкоубійца—діаволъ, осмѣлившійся искушать и Самого Спасителя нашего. И сколько діа-

воломя погублено нынѣ людей всѣхъ возрастовъ, званій и состояній; сколько снято имѣ рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ, сколько соблазнено крестьянъ на раззореніе вѣсковыхъ имѣній помѣщиковъ, дорожившихъ ими, какъ родовыми, влагавшихъ на благоустройство ихъ все достояніе свое!

Многіе остаются нынѣ безъ хлѣба, или должны за все платить въ три дорога, а десятки тысячъ рабочихъ бастуютъ, бродяжничаютъ, занимаются грабежемъ, или же собираютъ куски хлѣба на пропитаніе. Чѣмъ все это можно объяснить, какъ не злою силой діавола, таинственно и обольстительно дѣйствующаго нынѣ въ сынахъ противленія?

Посмотримъ внимательно, что въ словѣ Божіемъ говорится о діаволѣ и о борьбѣ съ духами злобы.

Святый апостолъ Павелъ говоритъ, что злой духъ нынѣ дѣйствуетъ въ *воздухъ* (Ефес. 2—2) и въ *пространствъ поднебесномъ* (6—12), дѣйствуетъ скрытно, быть можетъ подобно тому, какъ иногда носится въ воздухѣ какая либо заразительная смертоносная язва (тифъ, скарлатинъ, холера) и поражаетъ на смерть неостерегающихся ея. Что всего болѣе помогаетъ злему духу уловлять людей въ сѣти невѣрія и разврата, такъ это — именно его способность дѣйствовать на нихъ *тайно*. Люди, маловѣрующіе въ Евангеліе и мало внимательные къ себѣ, подвергнувшіеся невидимому вліянію на нихъ злыхъ духовъ, готовы даже отвергать и самое существованіе ихъ, а это болѣе всего и способствуетъ бѣсамъ къ расширенію и упроченію ихъ темной власти надъ людьми.

Такъ какъ и благодать Святаго Духа дѣйствуетъ на насъ невидимо и таинственно, то мы должны быть строго внимательны къ себѣ и не всякому духу вѣрить, а испытывать,—отъ Бога ли внушеніе намъ, или отъ діавола. Святой Іоаннъ Богословъ открылъ намъ и способъ узнавать духовъ.—*Всякъ духъ, говоритъ апостолъ, который исновѣдуетъ Исуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога, и кто не лѣбитъ брата своего, тотъ не позналъ Бога* (1 Іоан. 4, 2, 3. 8). Итакъ когда мы примѣтимъ возникающія въ насъ новыя мысли, тогда мы должны изслѣдовать ихъ, согласны онѣ, или нѣтъ съ евангельскимъ ученіемъ объ Исусѣ Христѣ и не противорѣчатъ ли заповѣди Божіей о любви къ ближнему. Когда окажется, что онѣ противны Евангелію и возбуждаютъ въ насъ зависть и вражду къ ближнему, то должны поступить съ ними такъ, какъ заповѣдалъ Исусъ Христосъ въ Евангеліи, гдѣ сказано: „Если рука твоя, или нога твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя... и если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя“, то есть возникшія въ тебѣ отъ діавола ложныя мысли, какъ бы онѣ ни казались

тебѣ привлекательными, тотчасъ же подави и удали ихъ отъ себя; а для сего сотвори на себѣ крестное знаменіе и призови сладчайшее имя Господа Иисуса Христа, и Онъ ниспослеть тебѣ благодатную помощь Свою и прогнать отъ тебя духа—искусителя.

Еще въ словѣ Божіемъ говорится: *облекитесь во всоружіе Божіе, чтобы вамъ можно было стать противъ козней диавольскихъ; потому что наша брань не противъ плоти и крови,... но противъ духовъ злобы поднебесныхъ. А паче всего возьмите щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго, и шлемъ спасенія возьмите и мечъ духовный, который есть слово Божіе.* Чтобъ исполнить этотъ апостольскій совѣтъ, слѣдуетъ намъ взять себѣ за правило чаще читать слово Божіе и неуклонно слѣдовать ему.

Есть замѣчательная краткая молитва, съ которой мы должны возможно чаще обращаться къ Небесному Богу Отцу объ избавленіи насъ отъ лукаваго; вотъ она: *Господи, не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, не щевати вины о грѣсѣхъ* (Пс. 140), что значить: не допусти меня, Господи, до того, чтобъ вмѣсто чистосердечнаго раскаянія предъ Тобой въ моихъ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ приносить Тебѣ лукавое оправданіе въ нихъ, то есть вину въ содѣянныхъ нами грѣхахъ слагать на ближнихъ.

А вѣдь мы часто бываемъ склонны обвинять въ нашихъ согрѣшеніяхъ предъ Богомъ діавола и ближнихъ, а себя оправдывать словами лукавства. О какъ это постыдно для насъ и преступно предъ Отцемъ Небеснымъ, подающимъ намъ всевозможныя средства для борьбы съ злыми духами и съ соблазнами ближнихъ! Всегда будемъ помнить это и беречься лукавствія, чтобы не попасть навсегда въ лукавыя сѣти діавола.

Злой духъ, искушая праведнаго Іова, отнималъ у него имущество, дѣтей и даже подвергъ самого мучительной болѣзни; по попущенію Божію и нынѣ онъ можетъ много вредить намъ разстройствомъ нашего благосостоянія, внушая злымъ и коварнымъ людямъ тайное и насильное отнятіе нашего имущества, уничтоженіе его огнемъ и даже покушеніе на жизнь нашу. Посему, молясь объ избавленіи ихъ отъ лукаваго, мы молимся Небесному Богу Отцу объ избавленіи насъ и отъ всѣхъ золъ, какія могутъ постигнуть насъ, по злобѣ и лукавству исконнаго и хищнаго врага нашего діавола.

Будемъ же чаще и сердечнѣе взывать къ Богу Отцу: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, избави насъ отъ лукаваго!

С. I. Анурьевъ.

— „Не такъ говоришь“, сказалъ мнѣ старецъ: „грядущаго къ Нему Онъ не изгоняетъ вонъ. Моли Его благость и предайся Святой Его волѣ, и Той сотворить. Вѣрь мнѣ—будешь ты монахомъ, но когда и въ какое время, этого я немогу сказать тебѣ, но думаю, что со смертью родителя твоего тебѣ откроется путь къ иночеству. А теперь укрѣпи себя надеждой на Бога и иди къ родителю и, по силѣ нужды его съ сиротами, твоими сестрами, усиль свою сыновнюю обязанность въ обезпеченіе ихъ сиротства и его старости. Будетъ время, что и сверхъ твоего ожиданія откроется тебѣ путь къ желаемой цѣли. А теперь иди и исполняй обязанности сына“.

И когда я уходилъ изъ благословеннаго скита Оптиной, то,— о. старецъ мой любвеобильный!—онъ пошелъ меня провожать и, когда я плакалъ дорогой, онъ остановился самъ, остановилъ меня и сказалъ:

— „Жаль мнѣ тебя: ты идешь въ міръ—съ тобой встрѣтятся искушенія... Но помни слова мои: не отчаявайся! Еще повторяю тебѣ: съ тобою будутъ искушенія—*не отчаявайся!*..... Сонъ, когда-то видѣнный тобой, что ты горѣлъ въ огнѣ разныхъ цвѣтовъ, и указываетъ на эти разнаго рода искушенія. Но искушенія породятъ въ тебѣ вѣдѣніе, а познаніе своихъ немощей обогатитъ тебя смиреніемъ, и ты будешь снисходительнѣе къ другимъ. Повторяю тебѣ опять: будутъ съ тобой искушенія, но *не отчаявайся*, и, что бы съ тобой ни было, пиши ко мнѣ всегда обо всемъ, а я, по силѣ возможности, буду отвѣчать тебѣ“.

При этихъ словахъ старца, я упалъ ему въ ноги и, обливая ихъ слезами, просилъ святыхъ молитвъ его...

— „Господь да благословитъ тебя, Господь да сохранитъ тебя, Господь да поможетъ тебѣ и да изведетъ Онъ тебя. Миръ тебѣ. Не скорби: въ силахъ Богъ утѣшить тебя—придетъ время, будешь и монахомъ. Тогда вспомнишь слова мои. Увѣрю тебя, что будешь ты монахомъ!“

Это были послѣднія слова блаженной памяти великаго старца Макарія, обращенныя ко мнѣ. Простившись съ нимъ и принявъ его послѣднее мнѣ на землѣ цѣлованіе, я, успокоенный въ духѣ, пошелъ въ Лебедянь къ родителю и въ міръ предстоящихъ мнѣ искушеній.

Предчувствіе меня не обмануло: старца Макарія я уже на землѣ болѣе не видѣлъ.

Соедини насъ, Господи, во Царствіи Твоемъ!

XXXIV.

Оригинально произошла моя встрѣча съ родителемъ.... Какъ я уже говорилъ, добрый Иванъ Андреевичъ Дивѣевъ далъ ему мѣсто подвального при пивномъ заводѣ. Это была съ его сто-

роны тайная милостыня, такъ какъ ему хорошо были извѣстны всѣ обстоятельства моей семейной жизни и стремленія мои, которыми онъ, какъ человѣкъ въ высокой степени религіозный, сочувствовалъ отъ всей своей доброй и боголюбивой души. Не ограничившись тѣмъ, что онъ далъ отцу мѣсто, Дивѣевъ помѣстилъ его и всю семью на готовую квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Жилось ему сравнительно хорошо; но уже сталъ немощенъ и старъ мой родитель, а несостоятельность, въ которую онъ впалъ въ родномъ городѣ, гдѣ занималъ въ свое время не послѣднее мѣсто, почти сокрушили послѣдній остатокъ его старческихъ силъ. Много пришлось перенести ему въ Балашовѣ передъ выѣздомъ въ Лебедянь: глухая вражда тайныхъ враговъ, которыхъ онъ тамъ приобрѣлъ, на общественной службѣ, благодаря своему правдивому характеру, только ждала его несостоятельности, чтобы вырваться наружу, и много довелось испытать горькаго бѣдному отцу, пока не пришелъ къ нему на помощь Дивѣевъ. Такъ, видно, все ведется на бѣломъ свѣтѣ: пока въ богатствѣ, потуда и въ чести; а обѣднялъ — всѣмъ опостылѣлъ и никому не сталъ ни милъ, ни нуженъ....

Я не давалъ знать родителю о своемъ выходѣ изъ монастыря и о возвращеніи, такъ что приходъ мой для него былъ совершенной неожиданностью. Лѣтъ пять или шесть мы съ нимъ не видѣлись съ того дня, какъ онъ былъ у меня съ братомъ Ивановъ. Изъ семейныхъ только сестра Екатерина видѣла меня сравнительно не такъ давно, когда пріѣзжала уговаривать меня выйти изъ Лебедянскаго монастыря, но за эти два года, что она меня не видала, я уже успѣлъ сильно перемѣниться, особенно, въ послушническомъ одѣяніи, которое я носилъ и въ которомъ возвращался изъ Площанской пустыни. Я былъ увѣренъ, что меня даже не узнаютъ, и—не ошибся.

Въ Лебедяни контора пивнаго завода, въ которомъ служилъ родитель, стояла на такъ называемой Тяпкиной горѣ, а пивной заводъ и квартира отца были подъ этой горой. Надо же было случиться, что, когда я спускался подъ гору и приближался къ отцовской квартирѣ, меня нагналъ родитель, возвращавшійся изъ конторы завода домой. Съ сумкой за плечами, въ весьма убогой одеждѣ, сожженный лучами солнца, запыленный, съ посохомъ странника въ рукахъ, я поклонился отцу до земли и спросилъ его:

— „Не знаете ли вы, гдѣ бы мнѣ здѣсь найти Аѳанасія Родіоновича Попова, служащаго по питейной части?“

Родитель не узналъ меня и отвѣтилъ:

— „Тотъ, кого вы ищите, говорить съ вами. Что вамъ нужно?“

— „Да, у него“, сказалъ я: „есть сынъ въ монастырѣ?“

— „Есть“.

— „Ну, вотъ онъ то и просилъ меня убѣдительно найти васъ и передать вамъ о его житьѣ-бытьѣ.“

Съ великой радостью родитель пригласилъ меня къ себѣ и тотчасъ по приходѣ велѣлъ поставить самоваръ и сталъ меня разспрашивать о сынѣ. Я крѣпился и не выдавалъ себя. Въ это время сестры подавали намъ чай и тоже меня не узнавали. Со слезами на глазахъ слушали они мой разсказъ о братѣ, нисколько не догадываясь, что самъ братъ съ ними говоритъ. Я едва самъ удерживался отъ слезъ, особенно, при взглядѣ на младшую сестренку, Поленьку, но не хотѣлъ до времени выдавать себя. Тутъ къ намъ вошла въ комнату женщина, у которой я стоялъ на квартирѣ, когда былъ подвальнымъ. Она узнала меня, но не вполне еще увѣренная, что это я, вызвала сестру Поленьку въ другую комнату и сказала ей:

— „Это братъ вашъ. Увѣряю васъ, что это онъ“.

Поленька порывистымъ шепотомъ позвала сестру Екатерину:

— „Сестрица, иди скорѣй сюда!... Посмотри, вѣдь—это съ нашей-то чай пьетъ братецъ нашъ!“....

И та, какъ взглянула, такъ и бросилась ко мнѣ, обливаясь радостными слезами... Отецъ такъ и ахнулъ:

— „Ахъ, ты шпивый! да какъ же это я не узналъ тебя!“...

И пошла тутъ радость, слезы, восклицанія объятія.... Забылъ я тутъ и жизнь свою монастырскую...

Нужно же было тому быть, что въ это самое время былъ въ Лебедяни, проѣздомъ изъ Воронежа въ Москву, братъ нашего откушника, бывший мой управляющій и начальникъ, Алексѣй Никитичъ Рукавишниковъ, и они меня вмѣстѣ съ Дивѣевымъ тутъ же и приняли вновь на службу. На другой день я былъ назначенъ въ село Доброе, пятьдесятъ верстъ отъ Лебедяни, дистанціоннымъ, гдѣ и была мнѣ назначена квартира. Семейные мои заставили меня обрить бороду, а сослуживцы за одну ночь, безъ вѣдома моего, сюрпризомъ, заказали портному полную штатскую пару и пальто, что меня до крайности удивило и тронуло. За сутки ничего не осталось во мнѣ по обличью монашескаго, и опять потекла старая, знакомая мірская жизнь съ ея суетой, безтолочью и призрачными обольщеніями...

XXXV.

Но гроза военная все еще не проходила. На престолѣ уже былъ Александръ II, отъ котораго ждали заключенія мира, но мира еще не было, и я сильно унывалъ, зная, что, при наборѣ въ Балашовѣ ратниковъ, меня отцовскіе враги не пощадятъ и забреютъ лобъ безъ всякаго сожалѣнія къ моей семьѣ. Я усиленно молился Богу, чтобы минула меня эта горькая чаша. II, вотъ, въ это время во снѣ я увидалъ чудное видѣніе: вижу я

себя, что будто я въ какомъ-то великолѣпномъ храмѣ, точно въ Сезеневѣ. Передо мною иконостась, а вверху его, на великолѣпномъ тронѣ, въ иолномъ архіерейскомъ облаченіи, со скипетромъ въ рукахъ, сидитъ Спаситель. По правую Его руку стояла Матерь Божія въ скромномъ одѣяніи, предстоя въ безмолвной молитвѣ передъ Господомъ. По лѣвую руку Спасителя, преклонивъ одно колѣно, стоялъ Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ; правая его рука была приложена къ сердцу, а лѣвой онъ указывалъ внизъ, гдѣ на воздухъ былъ изъ бѣлага тумана крестъ, а подъ крестомъ стояло многое множество народа. И въ толпѣ этой стоялъ глухой шумъ, какъ бы отъ водъ многихъ. Пречистая и Креститель молились со слезами Господу объ этомъ народѣ, и по лику Спасителя, приклонившаго главу Свою, было замѣтно, что молитва была услышана.

На этомъ видѣніи кончилось.

Въ это время изъ Успенскаго женскаго монастыря проѣзжала извѣстная мнѣ старица, монахиня Архелая. Я ей открылъ о своемъ видѣніи. Долго помолчавши, она сказала мнѣ:

— „Это сонъ какой-то дивный. Смотри, какъ бы не попасть тебѣ въ ратники!“

Такое толкованіе простосердечной старушки, въ тонъ моему тайному безпокойству и опасеніямъ, окончательно смутило духъ мой, но Господу угодно было меня утѣнить послѣдующимъ затѣмъ вскорѣ видѣніемъ. Было это во снѣ. И видѣлъ я, что я молюсь ночью въ саду и что на дворѣ стоитъ майское тепло и благоуханіе. Стоя на молитвѣ, вдругъ слышу съ высоты, надъ головой моей, голосъ, зовущій меня по имени:

— „Ѳеодоръ! Чего ты скорбишь? Не скорби—Я дамъ миръ Европѣ!“

И когда я взглянулъ на небо, то увидѣлъ въ невыразимой воздушной дали Спасителя, стоящаго въ бѣлой льняной одеждѣ, опоясанной золотымъ поясомъ. Сверхъ этой одежды была другая, а въ рукахъ Спаситель держалъ крестъ, какъ то пишутъ на мѣстныхъ иконахъ... Когда видѣніе это скрылось, я проснулся внѣ себя отъ радости. И что же? На другой день послѣ этого видѣнія миръ былъ заключенъ, и кончились, такимъ образомъ, всѣ мои душевныя смуты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОСЪ ОТХОДЯЩЕЙ ДУШИ.

Изъ дневника сельскаго священника.

1897 годъ кончался. Передъ наступающимъ новымъ годомъ уже спустилась на землю зимняя звѣздная ночь. Смотри на

звѣздное—чудное небо, я размышлялъ о повѣрьѣ нѣкоторыхъ людей, что будто-бы, когда рождается въ міръ человѣкъ, появляется вмѣстѣ и новая въ небѣ звѣзда, а когда человѣкъ умираетъ,—меркнетъ тогда и звѣзда,—не блеститъ уже въ небѣ. Если такое повѣрье вѣрно, продолжалъ я думать, то моя звѣздочка, по милости Божіей, сіяетъ уже двадцать семь лѣтъ. Но будетъ ли она сіять и еще? Не померкнетъ ли она, не угаснетъ ли на вѣкъ вмѣстѣ съ жизнію моею въ новомъ годѣ?... Вотъ уже одинъ часъ остался, и новое лѣто наступитъ. Благослови же, Боже, Своими щедротами наступающее и это новое лѣто! Продли жизнь мою и еще хотя годъ одинъ,—не погаси моей звѣздочки... умирать, вѣдь, еще рано... не хочется! Но—будь Твоя святая воля! Съ такими мыслями и чувствами я кончилъ прожитый годъ и прилежъ, чтобы уснуть и скоро уснуть.

Во снѣ представилось мнѣ нѣчто странное. Сквозь сонъ ясно слышу я, что въ дверь моего дома кто-то стучитъ; кто-то, далѣе слышу, зоветъ меня; вижу—какая то женщина; но что съ нею?... она такая блѣдная... она шатается... вотъ-вотъ упадетъ она... О, она больная; да ужъ не смерть ли къ ней подходитъ?!.. Но кто она—эта женщина?—Во снѣ я не могу узнать.

Подъ впечатленіемъ видѣннаго я проснулся и быстро всталъ съ кровати, на которой спалъ,—былъ первый часъ ночи; прислушался,—не стучать ли въ дверь;—нѣтъ—не слышно стука... Но что бы это значило? продолжалъ я размышлять. Вѣдь кто-то звалъ меня, я сквозь сонъ слышалъ это.—Нужно провѣрить, разузнать,—быть можетъ кто и въ самомъ дѣлѣ въ такой поздній часъ стучалъ, но скоро не открыли дверь, и онъ ушелъ обратно... Съ этой цѣлю я разбудилъ свою старушку мать. Разказалъ ей, что меня такъ встревожило и изъ за чего я поднялся въ поздній часъ; но мать сказала, что она никакого стука въ дверь не слышала и что меня никто не звалъ, не спрашивалъ. Спросилъ о томъ же и прислугу, которая спала не далеко отъ входной двери, а потому могла скоро и услышать стукъ; но и она отвѣтила мнѣ отрицательно, прибавивъ, между прочимъ, что спала не крѣпко и слышала, какъ не давно, не болѣе одной четверти часа прошло, церковный сторожъ билъ полночь на колокольномъ. Провѣривъ такимъ образомъ это обстоятельство, встревожившее мой сонъ, я нѣсколько поуспокоился и опять уснуть. Не прошло послѣ этого и часа времени, какъ подошла къ моей кровати моя старушка мать, разбудила меня и сообщила, съ тревогою въ голосъ, что меня просятъ къ больной въ деревню Г—скую ($\frac{3}{4}$ вер. отъ моего дома и отъ храма), и—какъ можно, поскорѣе. Быстрѣе, чѣмъ въ первый разъ, я поднялся съ кровати и былъ готовъ ѣхать къ больной, съ пріѣхавшимъ за мной крестьяниномъ—отцомъ больной; черезъ 5—7 минутъ мы были уже у

одра его дочери... Но, къ моему сожалѣнію и къ несчастію для лежавшей на одрѣ, этотъ одрѣ былъ уже не „болѣзненный“, а „смертный“... Несчастливая молодая дѣвушка не дождалась меня, не исповѣдала передъ Богомъ чрезъ меня въ послѣдній разъ своихъ грѣховъ и не соединилась передъ смертію въ св. Тайнахъ со Христомъ...

Такъ какъ видно было, что умершая скончалась за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, и трупъ ея былъ совершенно еще теплый, для утѣшенія родителей ея, прочиталъ я молитву на исходъ души изъ тѣла брэннаго на путь къ Престолу Божію чрезъ длинный рядъ мытарствъ...

При видѣ умершей, видѣнный часа за полтора до сего, странный сонъ снова мнѣ пришелъ на мысль. Я захотѣлъ еще разъ его провѣрить.

— „Что же ты, Ипатъ, не позаботился пораньше-то о дочкѣ? Вѣдь такъ то, безъ покаянія, умирать плохо?“ спросилъ я у отца умершей, стоявшаго теперь при трупѣ дочери вмѣстѣ со своей женой, съ поникшими головами. Ипатъ сконфузился, покраснѣлъ и ничего мнѣ не отвѣтилъ. Отвѣтила же за него его жена: „да, вотъ, батюшка, какой отецъ! Самъ то рѣдко, очень рѣдко, „ходить на духъ“, да и намъ, видно, не желаетъ счастья, вотъ, вѣдь, дочка-то изъ-за него скончалась такъ—безъ покаянья. Еще полночи не было, какъ она, покойная, просила, умоляла его сходить или съѣздить за тобой, и я просила-кланялась... такъ, нѣтъ, вѣдь, не послушалъ, да и мнѣ запретилъ идти“.—„Не умретъ еще, до утра доживетъ—„не бось“, а то и насъ съ тобой, старуха, переживетъ быть можетъ“ (Отецъ, какъ оказалось послѣ, не любилъ почему-то эту дочь свою, быть можетъ потому, что она въ сильной степени страдала сифилисомъ, хотя и переданнымъ ей самими же родителями).—„Въ полночь ийду-ли я, вѣдь спать охота“—говорилъ онъ. „Вотъ Господь наказалъ его теперь“...

„Батюшка! вѣдь не похоронишь такъ-то? Вѣдь становаго ждаты придется?“—не то пугаясь, не то допытываясь чего то отъ меня, продолжала уже болтать Александра—мать умершей. —„Да, какъ умершую безъ покаянія и безъ приобщенія Св. Таинъ, при всемъ своемъ желаніи похоронить безъ становаго эту невинную жертву небреженія ея отца—вашу дочку такъ не похороню,—нужно подождать полицейскаго осмотра трупа,—на то законъ гражданскій, а по сему закону—судъ церковный“, отвѣтилъ я.

Послѣ этого сдѣлавъ Ипату подобающее такому случаю его небреженія о своихъ дѣтяхъ и о себѣ самомъ въ дѣлѣ исполненія долга исповѣди и уклоненія отъ Св. Причастія, настырское внушеніе, я не могъ удержаться чтобъ не рассказать имъ то, что видѣлъ я во снѣ, и именно, какъ оказалось теперь, въ то самое время, когда ихъ дочь, теперь умершая, посылала своего

отца за мной, чтобы исповѣдать свои грѣхи и приобщиться Христовыхъ Таинъ.

— „Слышишь, Ипать, какъ рвалась душа-то твоей дочери, чтобы соединиться со Христомъ въ св. Причастіи? Вѣдь она-то, должно быть, и стучала въ дверь ко мнѣ? Она-то, должно быть, и звала меня!“—сказалъ я отцу, все еще стоявшему въ глубокомъ горѣ при трупѣ его умершей дочери, послѣ того какъ сообщилъ ему и его женѣ видѣнный этой ночью сонъ. „А ты все твердилъ на ея мольбы, что вотъ до утра, вотъ до утра, а теперь я спать хочу“—продолжалъ я говорить Ипату. „Ну—будетъ ли теперь спокойна твоя совѣсть? Не будешь-ли ты теперь самъ отвѣчать предъ Богомъ, за грѣхи безъ напутствія умершей дочери?.. Жаль, сильно жаль, что Господь не далъ мнѣ узнать твоей дочери при бывшемъ сновидѣніи, а то пришелъ бы къ тебѣ я во время и напутствовалъ бы ее, теперь бездыханно лежащую предъ нами.—Такъ вотъ, Ипать, какое счастье Господь послалъ тебѣ на новый годъ!..“

„Да, новый годъ теперь уже настать... Желаю тебѣ, Ипать, въ немъ измѣниться. Приучи себя ты къ храму Божию, къ богослуженію ходи чаще; не уклоняйся, какъ это ранѣе водилось, отъ исповѣданія своихъ грѣховъ предъ духовникомъ, не бѣгай и отъ Причастія святыхъ Христовыхъ Таинъ, а стремись къ тому, чтобы Христосъ былъ всегда съ тобою и тебѣ быть со Христомъ“.

На литургіи въ Новый годъ передъ святымъ Престоломъ я молился о упокоеніи новопреставльшейся дѣвицы Елисаветы (такое было имя умершей дочери Ипата) и въ то же время съ грустью въ сердцѣ вспоминалъ, что Ипать не захотѣлъ послѣдней просьбы своей дочери исполнить, а потому молился и о томъ, чтобы благодать св. Духа коснулась и окаменѣвшаго его сердца.

Этотъ ли несчастный случай съ дочерью Ипата, или—быть можетъ—и мои слова, сказанныя при этомъ случаѣ, чтобы разузнать его, очевидно, коснулись его сердца, для самого Ипата не прошли безслѣдно,—всеисцѣляющая благодать св. Духа къ нему явилась съ неба.

Съ наступившаго Новаго года и до конца его жизни (умеръ 14 Апрѣля 1902 года) Ипата часто можно было видѣть въ храмѣ Божіемъ за службами церковными; съ того же времени онъ неопустительно, каждый годъ, въ св. Четырнадцатую, а иногда и въ Успенскій постъ, исповѣдался и приобщался святыхъ Таинъ, и Господь сподобилъ его умереть въ Свѣтлый праздникъ святой Пасхи.

При колокольномъ красномъ звонѣ, при пѣніи стиховъ Пасхальныхъ, его тѣло положили въ сырую, мрачную могилу, до свѣтлаго, радостнаго утра... *Свящ. Ан. Петропавловскій.*